

СОДЕРЖАНИЕ

I.	Полночь	7
II.	Порох и керосин.....	35
III.	Страшные сказки	65
IV.	Морской шторм	94
V.	Круги на воде	126
VI.	Полдень.....	155
VII.	Семейные узы	183
VIII.	Подводные камни	216
IX.	Мир будет скорбеть.....	253
	Эпилог	281
	Благодарности.....	285

*Моей маме —
вечному маяку и единственному человеку,
способному зажечь свет в жизни*

Чёрно. Изломано. Мёртво.
Ветки — ножами под рёбра.
В тёмной квартире холодной
Где же твой свет?
Суть обелиска — в гранях.
Тот, кто их там оставил,
Вытесал и исправил
«Память» на «Смерть».
Странно. Безумно. Больно?
Всё, что я ей позволил, —
Взять пустоту в ладони.
Это ли жизнь?..
Глупый и детский выбор.
«Эй, ты в игре?»
«Я выбыл».

I

ПОЛНОЧЬ

«Часть квартала останется без света 2 февраля».

— Черт, — прошипела она, читая очередное объявление, небрежно приклеенное на входную дверь.

Холодный ветер небрежно трепал голубую бумажку. Дешевые чернила примитивного струйного принтера уже начали кое-где подтекать, сдаваясь под натиском редких снежинок. Совсем даже не уникальных. Кто выдумал глупую байку о том, что каждая снежинка — единственная в своем роде? Бред. Все они одинаковые. Мелкие, невзрачные, холодные.

Переступив с ноги на ногу еще пару раз, чтобы наверняка, она провернула ключ в замочной скважине и, пожалуй, слишком сильно толкнула дверь. Тонкий витраж протестующе задрожал, вызывая еще одну порцию злости. Бессмысленной, пустой, жалкой.

Дожили. Бесит даже такая мелочь. Мелочь? Ну уж нет.

Вторую неделю подряд отключают. И вторую неделю подряд она ужинает кисло-сладкой лапшой из забегаловки на углу, потому что все продукты из холодильника, который то умирал, то возрождался, не-

изменно приходилось выбрасывать. Всякий раз, когда на двери появлялась идиотская голубая бумажка. Драть дурно пахнущие полки и створки надоело уже после второго раза, поэтому сейчас вилка была беспощадно выдернута из розетки, а та глядела на давнюю подругу грустными пустыми отверстиями, за которыми то появлялся, то исчезал ток. Попеременно. Потому что ток в ее доме переменный, а не постоянный. А какого черта он не постоянный? Какого черта вокруг вообще нет ничего постоянного?

Листок хотелось сорвать, скомкать в кулаке и выбросить в никуда. Но нельзя. И не потому, что мусорить — плохо, а потому, что в этом же доме живут еще двое таких же горемык.

В первой квартире, прямо напротив, сычом сидит Филипп, безуспешно пытаюсь дописать абсолютно-никому-не-нужную-диссертацию по книжкам уже как пять веков всеми забытого философа. Несчастный Фил три года назад закопался в свои совсем-никому-не-нужные-великие-труды и сам не заметил, как увяз по самые уши. А когда заметил, было поздно.

Он ее никогда не допишет.

В третьей квартире, что над гнездом Филадельфия, наигранно-вымученно терпя томные взгляды поклонниц, душил остатки таланта и пропивал давно ставшие копеечными гонорары богом забытый Мэтт. Когда-то Мэтт-рокер, теперь просто Мэтт-хмырь, вставлявший в любой диалог тупые цитаты из своих однотипных баллад о вечной любви. Бог забыл, а дуры с нелепо выкрашенными прядками помнили. И восторженно бле-

ОБЕЛИСК

яли, когда он притворно-неохотно брал в руки гитару. И воображали, что еще он может делать своими длинными пальцами, на кончиках которых уже прочно расплзлась беспросветная никотиновая желтизна.

Она никогда не исчезнет.

Напротив Мэтта не было никого — квартира 4В всегда была пустой. И она потихоньку этому радовалась, потому что никого — значит, тихо, значит, что никто не зальет потолок, не будет плясать по ночам на скрипучих досках.

Вокруг был хаос: гул машин, треск проводов, шарканье толпы, кашель, крики, приветствия и прощания.

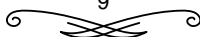
Это она ненавидела.

Но наверху было тихо. Там, над потолком, всегда было спокойно, и порой казалось, что звуков может не быть и в голове. Без лязга, без свиста.

Это она любила.

В ее 2В было тоже пусто. Не так, как этажом выше, конечно: клочки пыли лениво бегали из угла в угол, проигрыватель трещал, впопыхах вываленные из шкафа вещи небрежно валялись на полу. Но пустота таранилась черными глазами из каждой щели, из каждой розетки и ящика, потому что ни горы тряпья, ни новенькая, еще блестящая кофемашина, ни ломящиеся от книг полки не наполнят жизнью то, что принадлежит ходячему трупу.

4В была честной, потому что не скрывала свою пустоту — только голые полы и стены, 2В же была лгуньей, старой портовой шлюхой, маскирующей под румянами и помадой зияющее ничто. И порой казалось, что жить этажом выше было бы честнее.

Пустой девушке — пустая квартира.

Нажав на кнопку с маленькой иконкой, которая обещала двойной эспрессо, она нащупала пульт, и из угла выполз маленький услужливый пылесос. Подняла иголку, остановила бесшумную пластинку, но спустя две секунды, немного подумав, вернула иглу, но в самое начало композиции. Из динамика послышались приятные звуки.

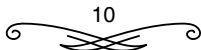
Казалось, что вот-вот место вдохнет полной грудью, ведь пыль уже почти исчезла, запахло свежим кофе, а из гостиной слышится музыка. Ну же, еще чуть-чуть, совсем немного... Но нет.

Оно никогда не оживет.

Наверное, поэтому жить напротив обреченной 1А, рядом с беспросветной 3А и под всегда пустой 4В было так хорошо. Вокруг не было счастья, поэтому его отсутствие внутри никогда не тревожило сердце. Почти.

К черту. До отключения электричества оставалось больше часа, а значит, она еще успеет зарядить ноутбук и все аккумуляторы. И наушники, это не обсуждается, потому что скоро замолкнет проигрыватель, падет храброй жертвой переменного настроения, и она вынужденно останется в полной тишине. Которую так любит. От которой снова захочет вскрыться.

Город увяз в вечерних сумерках, как муха в джеме. Пальцы бездумно порхали над клавиатурой, глаза раздраженно щурились — подсветки ноутбука и еле горящей керосиновой лампы, купленной две недели назад со словами «какого хрена пятьдесят?», явно не хватало. Надо было тогда кричать не «какого хрена

ОБЕЛИСК

пятьдесят», а «дайте две». Песни в наушниках вяло сменяли друг друга — новый текст давался плохо, а в каждой строчке сквозили мучения. И как же хорошо, что на экране появлялась очередная заметка об очередном трупе. В тему. Под настроение. Самое то.

Нелепая смерть в нелепом месте.

Мысль произвольно появилась на экране. Пара злобных щелчков на Del. Сдавать уже утром — не хватало еще отнести редактору историю о трагедии с такой вот милой авторской ремаркой. Вот когда будет нелепая смерть — Уиллис не простит ей даже лишней запятой, не говоря уже о подобной самодеятельности. Не теперь.

Непрощенные воспоминания о злых карих глазах, о костяшках кулаков, кривящихся губах, выплевывающих слова «я всегда знал, что ты тварь» вновь пробились под закрытые веки. Ну и ладно.

Вчитываясь в дрожащие строчки, она сверяла написанное с украдкой сфотографированным в офисе коронера отчетом — сердечный приступ. У здорового мужика со стерильным анамнезом, дважды прибегавшим вторым на городском марафоне. Приступ, ага. В самом деле. Но анализы были чисты: ни грамма химии, на которую можно списать неожиданное фиаско сердечной мышцы. Вообще ничего. Тем лучше. Внезапно идея ремарки о нелепой смерти показалась не такой уж глупой, надо только кое-что заменить. Что мы говорим в таких случаях? Правильно, не тупо, а нетривиально, не нелепо, а загадочно. Да. Загадочная смерть. И плевать, что ей плевать.

Это Уиллису понравится. Раньше он бы озорно улыбнулся, взглянув на нее из-под длинных ресниц. И взгляд этот был бы теплым. Но не теперь.

Щелчки клавиатуры стали жестче. Заключительная часть, буква за буквой, впечатывалась в электронный лист, словно символы могли что-то изменить. Стоп. Слишком громко, даже в наушниках.

Убрав руки от клавиатуры, она нажала на паузу и прислушалась к темноте, уже приготовившись обругать себя за пустое беспокойство, но звук повторился. И правда громко. Как она могла не услышать раньше, что в ее дверь безбожно колотили?

Сняв наушники, поднялась и, вооружившись керосинкой, как монах лампадкой, злобно зашагала на звук. Дверь открыла под настроение — резко и широко, так, что кулак, барабнящий по дереву, провалился в пустоту. Следом на нее едва не свалился всклокоченный Фил.

— Какого хрена? — вернув равновесие, рывкнул сосед. — Битый час же луплю!

— Какого хрена что? — облокотившись на косяк, ответила она с недобрый прищуром. — Какого хрена что, Филипп?

— Какого хрена ты не открываешь, — успокаивая дыхание, ответил он чуть более мирно. — Я из сил выбился.

— Ну, так не надо было долбиться в мою дверь, — вдох и выдох. — Что такого важного могло случиться, раз уж это не смогло подождать до завтра? Перед тем как вылезать из своей норы и выносить чужую дверь, стоит взглянуть на часы. Знаешь те штуки, которые показывают подходящее и неподходящее время.

ОБЕЛИСК

— Прекрати, — снова зашипел сыч. — Я тут ни при чем. И я такой же заложник ситуации, как и ты. Мне срочно нужен ключ от четвертой квартиры.

— На кой черт он тебе сдался? — устало протянула она, сдерживая гнев.

Фил шикнул и дернул головой вправо, округляя и без того до неприличия большие рыбы глаза. И только сейчас она заметила ее — фигуру в углу, что притаилась за плечом соседа. Тонкая, высокая, но не хрупкая. Подняв керосинку повыше, она осветила коридор. Из темноты холодно сверкнули светлые глаза, кажется, голубые. Тени, созданные слабым огнем, запертым в стеклянной коробке, очертили прямой, но не длинный нос, тонкие, но не слишком, губы, высокие, но без перебора, скулы. Закутанный во все черное, незнакомец сделал шаг вперед и открыл рот. Голос был звучным, но спокойным. Мелодичным, но не попсовым. Таким голосом можно обращаться к целому войску, которое ты отправляешь не верную смерть. И воображение подсказывало, что армия внимала бы каждому слову.

Полководец, как окрестила она про себя человека без имени, вновь открыл рот, повторяя то, что сказал раньше.

— ...ключ от 4В, пожалуйста.

— Что? — переспросила она, надеясь, что рассеянность можно списать на прерванный сон.

Голос и сейчас ничуть не изменился. Учитывая, что незнакомец повторял одно и то же в третий раз, внутри мелькнуло удивление — она бы уже разоралась.

